

УДК 17

И.Б. Ардашкин**СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК ПРОЕКТ
НЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

С помощью экстраполяции характеристик неклассической рациональности определяется такое неоднозначное явление, как социальная работа. Констатируется, что социальная работа выражает методические качества, которые лучше всего обозначают специфику неклассической рациональности. Это позволяет унифицировать имеющееся многообразие определений социальной работы.

Ключевые слова: социальная работа, неклассическая рациональность.

Необходимость представить такое неоднозначное явление науки и культуры, как социальная работа, в качестве проекта неклассической рациональности можно обосновать следующим. Сегодня существует достаточное количество попыток определения того, что такое социальная работа. Но именно это и затрудняет понимание. А подобный вопрос важен не только в научном плане, но и в плане образовательном и практическом. В частности, став общепринятым, понятие «социальная работа» (social work) не проявляет своей универсальности в вопросе о подготовке людей, выбравших профессию социального работника. В каждой стране существуют серьёзные расхождения в вопросе подготовки специалистов по этому профилю. Причём если в разных странах в силу национально-культурных различий это как-то можно объяснить, то в рамках одной страны однозначное объяснение кажется затруднительным. Как констатирует американская «Энциклопедия социальной работы» (1993), «нет единого, универсального образца в деле обучения социальных работников, даже в пределах одной страны» [1. С. 93].

Такого рода проблемы обусловлены методологическими трудностями. «Пестрота» пространства социальной работы порождает множество пересечений её с другими специальными практиками (психологическими, педагогическими, правовыми, медицинскими и т.д.). Вопрос, конечно, не стоит о сужении контекста социальной работы, сведения её к узким направлениям и видам деятельности, тем не менее необходимо уточнение, связанное с выяснением специфики интересующей нас сферы: является ли она самостоятельной или представляет собой способ интеграции разных социальных практик?

Эту проблему можно конкретизировать. Само понятие «социальная работа» говорит о связи этой деятельности с социальной сферой в обществе, с наукой об обществе – социологией. Однако социальная работа реализуется чаще всего как практика, тогда как социология формируется как наука и развивается как теоретическая деятельность. Социальная работа и социология функционируют в разных измерениях, и оказывается достаточно сложно объяснить их соприкосновение и взаимодействие. Как полагает О.И. Бородкина, социологическая наука «просто обязана повернуться лицом к социальной работе. Нескончаемый спор о том, должна ли социология оста-

ваться чистой наукой или она должна заниматься конкретными вопросами реформирования и развития общества, в конечном итоге, решался в пользу практики. Тем самым создаются условия для выживания чистой науки и одновременно сохраняется возможность избавиться от обвинений в пустом теоретизировании и абстрагировании... социология и социальная работа должны проявить взаимный интерес друг к другу. Но, к сожалению, в научной среде по-прежнему действует стереотипное отношение к социальной работе как сфере, далекой от научно-теоретических исследований» [2. С. 52–53].

Вопрос такого рода имеет методологическую природу. Действительно, требуется развитие теоретических основ социальной работы, чтобы её практика получила системный, целенаправленный и эффективный механизм реализации. Это должно касаться не только взаимоотношений социальной работы с социологией, но и её взаимоотношений с другими дисциплинами. Поэтому и важно обратиться к методологическим основаниям социальной работы. Одним из таких оснований выступает рациональность как принцип мышления и организации научного знания. Рациональность – непростое понятие. В его интерпретациях существует разброс позиций от утверждений о кризисе рациональности вообще до признания, что в кризисе находится лишь определённый её исторический тип. Поэтому важно показать, как понимаются понятия «рациональность» и «неклассическая рациональность».

В нашей литературе распространённой является позиция В.С. Стёпина, называющего три исторически сменяющих друг друга типа рациональности: классическую, неклассическую, постнеклассическую. Он пишет: «В разную историческую эпоху по-разному понимались природа научного знания, процедуры его обоснования и стандарты доказательности. Но то, что научное знание отлично от мнения, что оно должно быть обосновано и доказано, что наука не может ограничиваться непосредственными констатациями явлений, а должна раскрыть их сущность, – все эти нормативные требования выполнялись и в античной, и в средневековой науке, и в науке нашего времени» [3. С. 214]. В рациональности есть как стержневое содержание, сохраняющееся всегда, так и то, что изменяется. Для В.С. Стёпина неизменным является субъект-объектное отношение, меняется же характер этого отношения.

Классической рациональности присущ такой характер отношений субъекта и объекта, который элиминирует субъекта познания и знания. Неклассическая рациональность признает влияние субъекта на объект посредством способов и методов познания. Для постнеклассической рациональности субъект-объектное отношение представляет собой обоюдное воздействие, в результате которого меняется как субъект, так и объект. Тема статьи заставляет подробнее остановиться на характере неклассической рациональности.

Неклассическая рациональность, по В.С. Стёпину, формируется на рубеже XIX–XX вв. Она возникает как результат открытия зависимости результатов познания от его средств. В классической рациональности такого вопроса не стояло, поскольку предмет научного исследования не был «человеко-размерным». Другое дело, объект неклассической науки и рациональности. Во-первых, он связан с открытием микромира, что уже предполагает дополнительные усилия для его наблюдения. Во-вторых, он является объек-

том «человекоразмерного» мира. Как пишет В.С. Стёпин, «каждый тип рациональности обеспечивает преимущественное положение объектов определенной системной организации: малых систем, больших систем, саморазвивающихся систем» [4. С. 18]. Так возникает необходимость конкретизации средств и методов познания объекта.

Социальная работа как проект неклассической рациональности в своём содержании связана с нахождением средств и методов адекватного функционирования социальной сферы. Важно показать, что специфика этой сферы обусловлена её методологическими аспектами, что и квалифицирует её как проект неклассической рациональности. Этот тезис, если иметь в виду, что типы рациональности синхроничны, не очевиден. Новый тип рациональности не отрицает предыдущий, а расширяет диапазон его функционирования. «Возникновение нового типа рациональности и нового образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый новый этап приводит к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего этапа. Напротив, между ними существует преемственность. Неклассическая наука вовсе не уничтожила классическую рациональность, а только ограничила сферу её действия» [3. С. 290].

Социальная работа – проект неклассической рациональности, по мнению автора, потому, что является средством и методикой воздействия на социальную сферу. Можно, конечно, сказать, что деятельность, содержащая в себе социальную помощь, – также является социальной работой, хотя и в рамках классической рациональности. Но такое указание не говорит о существенной специфике. Почему?

В эпоху классической рациональности основными видами оказания социальной помощи были милосердие и благотворительность. Это характерно как для исторических версий западных моделей социальной помощи (модель филантропической помощи, модель общественной благотворительности, модель социального обеспечения и т.д.), так и для отечественных моделей (модель княжеского и церковно-монастырского попечения, модель государственно-законодательного регламентирования, модель общественного призрения и т.д.) [5. С. 26–32]. Суть этих моделей сводилась к этике сострадания, которая вызывала необходимость обеспечения определёнными финансами и материальными благами людей, испытывающих нужду. Общество не задавалось вопросом, почему возникают социальные явления бедности и нужды. Важно было хотя бы временно обеспечить нуждающихся. Это сопоставимо с функционированием классической рациональности, когда результат познания понимается объективно. Исследователя не интересует, какие средства и методы использовались в его получении: благотворительность ли это и милосердие, когда общество в лице обеспеченных членов делится с теми, кто не обеспечен, либо создание условий для возможности нуждающимся самостоятельно зарабатывать на жизнь.

«Социальная работа – это процесс, направленный на оказание помощи индивидуумам (индивидуально, в группе или как члену группы) по усилению их контроля над собственной жизнью, чтобы сделать соответственный выбор, преодолеть жизненные события» [6. С. 56]. Данное определение имеет мотив действенности и активности. Хотя вопрос об определении социаль-

ной работы остаётся дискуссионным, основные аспекты её предмета, исследуемого с точки зрения неклассической рациональности, должны содержать обозначенные выше моменты. Уже сам термин «социальная работа» своей деятельной ориентацией являет собой методику неклассической рациональности. М. Ричмонд, одна из наиболее авторитетных деятелей в рамках социальной работы, предлагала применительно к представителю социальной работы термин «благодотворитель». Термин не был принят, поскольку не выражал новизну и специфику этой деятельности. Утвердился термин «социальный работник», предложенный в 1900 г. Симоном Паттенном. А деятельность, соответственно, получила название «социальная работа». В этом сказались методологический резонанс неклассической рациональности. Во-первых, социальная работа предполагала целенаправленный системный, а не спонтанный характер. Во-вторых, менялась идеология помощи (социальная работа обозначала общественную озабоченность относительно социальных проблем, а не индивидуальную благотворительность). В-третьих, речь шла не просто о помощи, а о деятельности, в рамках которой нуждающийся трудится над совершенствованием своих способностей выживания. В-четвёртых, социальная работа привносила новое содержание в практику социальной помощи, что формировало перспективу её развития.

Методологический акцент наиболее явно проявил себя в развитии теории социальной работы в первой половине XX в. Модели этой работы формировались вначале на основе какой-либо близкой дисциплины, заимствуя её методы. Первой наукой, послужившей основой для модели социальной работы, была психология, точнее – психоанализ. Используя методы психоанализа, психоаналитическая модель социальной работы уделяла внимание не столько самому клиенту, сколько механизму воздействия на него. Как пишет О.И. Бородкина, «первые теоретические модели, вошедшие в социальную работу, были основаны на идеях классического психоанализа (конец 20-х – начало 30-х годов). Они, следуя идеологии фрейдизма, предполагали достаточно пассивное, воспринимающее поведение клиента и активную лечащую роль социального работника. Этот подход в той или иной степени отразился на всей дальнейшей практике социальной работы» [2. С. 53].

Методологический приоритет как свидетельство неклассической рациональной сущности социальной работы проявился и в других моделях социальной работы: психодинамической, бихевиористской, когнитивной и т.д. Методологическая сущность социальной работы сказалась и на привлечении методик других наук, что демонстрирует особенность уже постнеклассического рационального подхода, основанного на междисциплинарных исследованиях. Социальная работа в этом случае полагает не столько предмет, что характерно для классического типа рациональности, сколько методологию и методику его познания.

Обращение к социальной работе как проекту неклассической рациональности позволяет понять сущность этой научной области, образовательной программы и практической деятельности. Неклассическая рациональность ставит акцент на методологии социальной работы, предполагает развитие не только её практики, но и теории. Это важно подчеркнуть в связи с разработкой обучающих программ, содержания образовательной подготовки и пони-

мания практической компетентности специалистов в сфере социальной работы. Без теоретического осмысления практика социальной работы будет «слепа», может оказаться сведенной к благотворительности и милосердию «по случаю», что в действительности приводит к печальным результатам для тех, на кого эти благотворительность и милосердие направлены. Теоретический аспект социальной работы квалифицирует её как проект неклассической рациональности.

Литература

1. Социальная работа как профессия (аналитический обзор) // Социологические исследования. 1993. № 10. С. 90–100.
2. Бородкина О.И. Западные модели социальной работы: теоретические аспекты // Вестник СПб. ун-та. 1996. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. Вып. 4 (№ 27). С. 52–58.
3. Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1995.
4. Стёпин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
5. Социальная работа: Введение в профессиональную деятельность: Учеб. пособие / Отв. ред. А.А. Козлов. М., 2004.
6. Наместникова И.В. Концепция социального образования. М., 2002.